



Николай  
**ЛЕОНОВ**  
Алексей МАКЕЕВ

**ДВЕ ПУЛИ**  
**ПОЛКОВНИКУ**



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Две пули полковнику**

«Научная книга»

## **Леонов Н. И.**

Две пули полковнику / Н. И. Леонов — «Научная книга»,  
— (Полковник Гуров)

Дело о заурядном шантаже с использованием порноснимков не стоило бы внимания полковника МУРа Льва Гурова, если бы оно неожиданно не обросло рядом на первый взгляд немотивированных убийств. Визит на квартиру незадачливого шантажиста обернулся схваткой с тремя неизвестными, в результате которой Гуров едва не получил пулю. Чьи же интересы задел своей порностряпней вымогатель, если Гурову пришлось проводить операцию с участием ОМОНа, чтобы выяснить это?

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

# Николай Леонов, Алексей Макеев

## Две пули полковнику

### Глава 1

Было чертовски трудно пошевелить даже кончиком пальца, и глаза никак не хотели разлипаться, а в голове стоял такой гул, будто прямо через нее пустили новую линию метрополитена. Все вместе это наводило на мысль о скорой и неминуемой смерти.

Превозмогая боль и отчаяние, Ложкин опустил руку с дивана и наугад пошарил вокруг – то ли надеясь на ответное рукопожатие, то ли просто пытаясь определить границы своих возможностей. Пальцы его наткнулись на что-то выпуклое и гладкое, покачнувшееся от прикосновения. Коротко стукнуло об пол бутылочное доньшко. Ложкин застонал и поймал бутылку.

Она была липкой на ощупь и чуть прохладной. По-прежнему не открывая глаз, он приник к горлышку и сделал глоток, но тут же задохнулся, закашлялся, рывком сел и открыл глаза. Однако бутылки из рук не выпустил.

Через несколько мгновений он мог уже нормально ориентироваться, хотя легче от этого не стало. Зато теперь Ложкин знал, что находится в своей студии на Сущевском Валу, что ночевал он на продавленном диване – в одиночестве, что в окне едва брезжит рассвет, а помещение загажено следами вчерашней пьянки – повсюду окурки, пепел, стаканы и пивные банки. Погуляли вчера на славу.

– Эх, Ложкин, не умрешь ты своей смертью! – хрипло сказал он себе чуть заплетающимся языком и решительно допил то, что оставалось в бутылке.

К нему постепенно вернулась способность рассуждать, и детали вчерашнего вечера понемногу всплывали в памяти, но чувствовал себя Ложкин по-прежнему скверно.

– Ну и козел ты, Ложкин! – сказал он искренне, когда вспомнил все детали. – Полный придурок. Однажды ты допрыгаешься. Или уже... Мать твою! До чего же башка трещит!..

Он всегда обращался к себе в третьем лице и по фамилии – такая была у него привычка, особенно во время «разбора полетов», как он это называл. Сегодня он имел полное право высказаться по адресу Ложкина особенно нелицеприятно и резко. Праведником Ложкин никогда себя не считал, и вряд ли бы нашелся хотя бы один человек на земле, который мог бы заподозрить в нем праведника, но, по его мнению, существовали некие жизненные законы, которые нарушать не стоило – хотя бы потому, что так выходило себе дороже. Однако по слабости характера его вечно втягивали в самые странные махинации. И так поступали с ним те, кого он считал лучшими друзьями. Ложкин сто раз на этом обжигался, но ничего не мог с собой поделаться. Вот и вчера он, похоже, сваял большого дурака.

Сначала не было ничего особенного. Блонди привел девчонок. Сделали пробные съемки. Девчонки были новые, совсем зеленые, пыжились перед камерой, принимали картинные позы – ничего живого, только время потеряли. «Обтешутся!» – утешил Блонди и предложил выпить. В его огромном бауле, который он вечно таскал с собой, оказалось две бутылки «Мартеля». Ложкину пить не хотелось, но его так расстроили девчонки, что он согласился. Кстати, в процессе более близкого знакомства они уже не показались Ложкину такими безнадежными. Особенно та, черненькая...

Часам к одиннадцати Блонди деликатно отвалил, оставив Ложкина наедине с этой крошкой. Но тут позвонил зараза Чеков, и все накрылось медным тазом. Девчонку пришлось быстренько спровадить, а Чеков приперся с водкой и коньяком, и тут уж они нажрались по полной программе – с Чековым иначе не получается.

Но оттого, что они так весело погудели, положение не становилось менее серьезным. Ложкин знал Чекова с детства – тот никогда не отказывался от своих бешеных проектов до тех пор, пока его хорошенько не щелкали по носу. Тогда он все бросал и вскоре затевал что-нибудь новенькое – еще хлеще.

Ложкин помнил, как тот поочередно загорался то одной, то другой идеей – то намеревался сколотить бригаду, чтобы гонять через границу иномарки, то крутился с футбольными букмекерами, то пробовал торговать антиквариатом, то связывался с какой-то сектой, проповедовавшей непонятную «альтернативную религию», то организовывал грандиозный рок-концерт. Все эти начинания должны были принести Чекову неслыханные барыши. Но все кончалось плачевно, потому что он без стеснения набирал под свои проекты дикие кредиты, а когда проекты проваливались, оказывался по уши в долгах. Отдавать их ему было нечем, и Ложкин давно смирился с мыслью, что однажды его друга непременно убьют. Но, как ни странно, Чеков пока выкручивался. Никто не понимал, как это ему удавалось, но с основными долгами он расплачивался и снова уверенно смотрел в будущее. Часть суммы он опять перезанимал, но, разумеется, не все. Ложкин подозревал, что припертый к стене Чеков вполне был способен пойти на что угодно, даже на преступление. Впрочем, вслух своих догадок он не высказывал, а Чеков ни в чем таком никогда не признавался – разве что изредка, по пьянке, в его словах проскальзывал какой-то полунамек, но не более.

Ложкин и сам был не ангел, потому и не осуждал. Официально он был фотографом и оператором, но в своем кругу предпочитал называть себя «мастером эротического фото». Правда, то, что он снимал, большей частью вполне могло сойти за порнографию, но Ложкин не видел в этом большой беды. Все делалось добровольно и за хорошие деньги. И вообще это был не его бизнес – он просто выполнял заказы заинтересованных людей. Одного интересует одно, другого – другое, он тут ни при чем, не он решает, что должно нравиться людям. Другое дело, что можно нарваться на неприятности. Но денег без риска не бывает. Конечно, это не тот риск, которому постоянно подвергает себя Чеков. Тот по сравнению с Ложкиным – настоящий экстремал. Поэтому у Ложкина никогда не было искушения привлечь друга к своей работе – береженого, как говорится, бог бережет. Чеков и без того возле него пасся – вот и две тысячи баксов до сих пор не вернул, хотя еще месяц назад клятвенно обещал расплатиться. Но теперь он влип в очередную историю, и у Ложкина не хватало духу потребовать свое, ведь Чеков находился в тяжелом положении.

Все началось в середине мая, когда Чекову вдруг пришло в голову открыть бизнес по захоронению домашних животных. Он посчитал, что общество уже созрело для такой услуги, примчался к Ложкину с горящими глазами и с ходу попросил две тысячи баксов в займы, вывалив перед ним целый мешок аргументов. Скрепя сердце Ложкин деньги дал, заранее тоскуя о потере. Чеков развил бурную деятельность и общипал еще с пяток кредиторов. Не обошлось, конечно, без Костюкова, с которым Чеков какое-то время крутился. По слухам, Костюков держал в руках весь букмекерский бизнес в центре города, контролировал огромные деньги, но человеком был опасным, и шутить с ним не следовало. Если он давал займы, то непременно с процентами и возврата требовал точно в срок. Чеков сам говорил об этом.

Одним словом, набрав кредитов, Чеков закатил грандиозную пирушку, потом еще одну, потом у него что-то не срослось, и затея с «кладбищем домашних животных» лопнула как очередной мыльный пузырь. Как всегда бывало в таких случаях, Чеков притих, исхудал и принялся собирать деньги, чтобы расплатиться с долгами. Но везение наконец изменило ему. Наступил сезон отпусков, многие уехали из Москвы, а оставшиеся ни в какую не хотели давать денег. На этот раз он влип серьезно.

Сколько был должен Чеков на этот раз, Ложкин точно не знал, но предполагал, что не меньше шестидесяти тысяч, потому что стержнем его новой идеи была именно такая сумма. Но самым ужасным был даже не размер долга, а тот метод, с помощью которого Чеков собирался

разжиться деньгами. Когда Ложкин уяснил себе, в чем дело, ему стало не по себе. На этот раз его дружок собирался серьезно нарушить закон и к тому же со свойственной ему непосредственностью потребовал, чтобы Ложкин в этом участвовал.

Суть идеи была проста и цинична – а Чеков, похоже, считал ее еще и остроумной, – с помощью шантажа заставить раскошелиться нескольких мелких предпринимателей. Он намеревался предъявить им фотографии компрометирующего характера – с последующим выкупом. Остроумие же заключалось в том, что никаких фотографий у Чекова не было, и он собирался разжиться ими с помощью Ложкина.

– Пойми, чудила, – горячо убеждал он Ложкина, – все будет железно. Я же знаю, что делаю! Мы не будем трясти магнатов, у которых по сто человек охраны и лучшие адвокаты. Мы скромные люди. Мы возьмем коммерсантов попроще. Я уже наметил три кандидатуры. Вот, например, Шестопалов – у него магазинчик антиквариата около Тверской. И еще жутко ревнивая жена, на десять лет его моложе. Если она увидит фотки, на которых ее благоверный кувыркается с чужими телками, это будет хуже атомной войны. Она не станет разбираться, сфабрикованы снимки или нет. Она устроит ему такой ад в поднебесье, что мало не покажется. Уверен, что этот антиквар без звука выложит двадцать кусков. Для него это вообще не сумма.

Ложкин не был убежден, что на свете есть люди, которые без звука способны расстаться с двадцатью тысячами, а кроме того, его ужасно покорило, что Чеков, посвящая его в свои планы, постоянно употребляет местоимение «мы». Ему совсем не хотелось ввязываться в это грязное дело. Но Чеков был настойчив, напирал на то, что друзья должны помогать друг другу, а вдобавок трагически сообщил, что, если не расплатится вовремя с долгами, ему не жить.

– Костюков совсем охренел, скотина, – неохотно признался он. – Разговаривает сквозь зубы, а про отсрочку и слышать не хочет. Вчера еще улыбался, коньяком угощал, а теперь морду воротит, как будто я к нему с улицы зашел и в карман залез. Если, говорит, через две недели должок не отдашь, то пеняй на себя. В Москве, говорит, каждый день несчастные случаи – то машиной кого-нибудь задавит, то шпана в подворотне башку проломит. Статистика, говорит. Одним больше, одним меньше...

Ссылка на статистику впечатлила Ложкина больше всего. При всех сомнениях ему вовсе не хотелось, чтобы Чекову где-нибудь вот так запросто проломили череп. При этой мысли Ложкин испытывал сильнейший внутренний дискомфорт. Он привык, что Чеков всегда рядом, и не мог представить себе жизнь без него. Без Чекова было бы скучно. Одним словом, он совсем немного поломался, а потом, как всегда, согласился.

Скомбинировать фотографии, на которых голые красотки сидят в обнимку с wybranными Чековым кандидатами, не составило для Ложкина особого труда. С помощью компьютера и объектива он мог творить и не такие чудеса. Возможно, профессиональные эксперты и разоблачили бы подделку, но, как сказал Чеков, этим лохам скоро будет не до экспертов. Мужиков фотографировал сам Чеков, тайком – ради этой цели он на пару дней выпросил у Ложкина цифровой фотоаппарат. Снимки получились не самые удачные, но лица разобрать было можно, а больше Ложкину ничего и не требовалось.

Он сделал то, что от него зависело, и постарался поскорее выбросить все из головы, полагая, что прочее его не касается. Подобную иллюзию подпитывало то, что Чеков, получив фотографии, воспрял духом и на несколько дней исчез. У Ложкина появился выгодный заказ, не связанный с эротикой, и он с головой ушел в работу. На какое-то время Ложкин и в самом деле забыл про эпизод с фальшивками. Вообще-то на душе у него было не очень хорошо. Если бы кто-то поступил с ним таким же образом, пожалуй, он сильно бы обиделся, хотя святым себя не считал, да не было у него ни жены, ни даже постоянной женщины, которая бы могла его ревновать и предъявлять претензии. Но все равно сделаться героем порнографических фотографий ему совсем не хотелось бы.

Впрочем, ни одного из людей, выбранных Чековым для шантажа, Ложкин не знал, а потому переживал не слишком сильно. Пусть об этом болит голова у Чекова, решил он, ему-то что за дело? Друга он не осуждал, хотя и не одобрял. Просто, когда имеешь дело с таким человеком, как Костюков, трудно держаться в рамках. Тут или пан, или пропал. Другое дело, что если кто-то из этих мужиков плюнет на огласку и обратится в милицию, тогда Чеков может оказаться между двух огней.

Но Чеков убедил Ложкина, что знает всех троих как облупленных и уверен, что ни один из них в милицию не побежит. Кроме антиквара, в его списке был еще один его шапочный знакомый – Крапивин. Он имел какое-то отношение к импорту газа, и денежки у него водились. Зато у него были жена-мегера и тесть, который и пристроил его на это теплое место. Оба не простили бы и намека на измену. Они стерли бы изменника в порошок – так утверждал Чеков. А еще был владелец небольшой аптеки в том же самом многоэтажном доме, где жил Чеков, – подбирая кандидатуры, он не слишком напрягался, брал то, что лежало на самом виду. Аптекарь приглянулся ему тем, что был абсолютным подкаблучником. Чеков часто видел его в окружении семьи – интеллигентной миловидной женщины и двух чистеньких девчонок-близнецов, которые различались только цветом бантов, вплетенных в их светлые волосенки. Двадцать тысяч – вполне умеренная цена за тихое семейное счастье, заявил Чеков. Лекарства нынче приносят хороший доход.

Ложкин так до конца и не поверил, что у Чекова что-нибудь получится, но вот вчера тот снова появился – слегка пьяный, чрезвычайно гордый и, вместе с тем, деловитый. У него были полны карманы денег, и коньяк он притащил настоящий, французский. Ложкин тоже был слегка на взводе, а потому настроен вполне благодушно, хотя с бо€льшим удовольствием провел бы ночь в компании симпатичной девчонки. Однако вместо этого ему пришлось пить и выслушивать многословный хвастливый рассказ Чекова об успехе его предприятия.

– Можешь меня поздравить! – самодовольно заявил Чеков. – Все идет как по маслу! Клиенты начали колотья. Двадцать штук как с куста! И это только начало.

– Как же тебе удалось? – вежливо удивился Ложкин, которому, по правде сказать, больше был интересен коньяк, а про шантаж слушать совсем не хотелось.

– Я же говорю, все прошло на раз! – уверенно сказал Чеков. – Я даже удивился, что так просто все получилось. Наверное, мне давно нужно было заняться этим бизнесом, – засмеялся он. – Но тут главное – не зарываться, конечно... Короче, я тут три дня назад обзвонил их всех. Намекнул, что нужно встретиться – наедине, естественно. Встречались поздно вечером, да я еще загримировался малость, так что, думаю, не могли они ничего заподозрить...

– А если бы они ментов с собой привели? – сочувственно спросил Ложкин. – Или не одни пришли?

– Ну, я же не лох, – авторитетно заявил Чеков. – Я от самого дома следил, один он пойдет на встречу или нет. По пятам шел. Когда убедился, что никто на хвост не прыгнул, тогда только в контакт вступал.

– Как это?

– Первая встреча была в парке Лефортово. Я его пас до входа – этого, у которого тесть при газовой трубе, – а потом, когда убедился, что все спокойно, переговорил в темном уголке. Отдал ему одну фотку в конверте, посветил фонариком, объяснил условия... Видел бы ты, какая у него была рожа, когда он рассматривал твое произведение!

– Мне ни хрена не нравится, что ты все время об этом напоминаешь, – недовольно проворчал Ложкин. – Ты сказал, что будешь про меня помалкивать.

– Не бойсь! Это же между нами, – возразил Чеков. – Но, ты знаешь, кажется, он принял фотографию за настоящую! Перепугался до смерти. Наверное, у него и в самом деле по этой части не все чисто. Короче, мы договорились, куда он на следующий день принесет деньги, и

он принес. Оставил на Введенском кладбище, в глухом углу, где я ему указал. Я все продумал до деталей!

– Значит, двадцать штук ты получил? – осторожно спросил Ложкин. – Так, может, сразу и вернешь мне мои две? Мне ведь тоже деньги нужны.

Чеков после этих слов помрачнел. Его энтузиазм как ветром сдуло.

– Понимаешь, – сказал он озабоченно, – пока ничего не могу тебе отдать. Костюков... – Он тяжело вздохнул. – Опять про должок напоминал, сука! А у меня, по правде сказать, с другими двумя пока непонятки получаются. Крапивин, видишь, сразу поплыл, а другие манежатся, падлы!

– Не хотят платить?

– Заплатят! – зловеще пообещал Чеков. – Только мне нужна твоя помощь.

– Это еще в каком смысле? – испугался Ложкин. – Я в эти дела встревать не буду! Хочешь обижайся, хочешь – нет, а тут я пас!

– Да тебе ничего не придется делать! – почти возмущенно сказал Чеков. – Организуешь пару звонков из автомата. Скажешь пару ласковых – я тебе объясню, что кому говорить, – и отвалишь. Больше мне от тебя ничего и не нужно. Просто кому я еще могу это доверить? Ты у меня один настоящий друг. Друзья должны выручать друг друга – разве не так?

Ложкин всегда терялся, когда приходилось отвечать на подобные вопросы. Он действительно считал, что друзья должны помогать друг другу, но в случае с Чековым такая помощь почему-то всегда напоминала улицу с односторонним движением. Ложкину это совсем не нравилось, но Чеков подавлял его своей волей и умением убеждать. Он сдался и на этот раз. К тому же оба были разгорячены коньяком, и все казалось достижимым и почти не опасным.

Однако наутро все выглядело по-другому. Припомнив обстоятельства вчерашней встречи, Ложкин пришел в отчаяние. То, что вчера представлялось ему не более чем дерзкой шуткой, сегодня явилось в совершенно новом свете. Соучастие в шантаже – вот что это было такое. А с похмелья история, в которую Ложкин так неосторожно ввязался, выглядела особенно ужасной.

Ложкин кое-как прибрался в студии, сполоснул лицо холодной водой и допил коньяк. Он все более склонялся к тому, чтобы послать Чекова к черту. У него и своих проблем хватает.

Но эта мысль еще не успела как следует оформиться в его голове, когда появился сам Чеков. Он был сосредоточен, решителен и собран. Этот красавчик никогда не страдал от похмелья, из-за чего Ложкин всегда ему завидовал. Выражение лица Чекова не оставляло Ложкину никаких надежд – он ничего не забыл из вчерашнего разговора.

– Собирайся! – коротко скомандовал Чеков. – Мы сейчас найдем подходящий телефон-автомат, и ты отзвонишься.

Ложкин попытался было запротестовать, но Чеков сгреб его в охапку и поволок к выходу со словами:

– Ну-ну, не дури! Уговор дороже денег! И к тому же учти – как только вышибем еще двадцать тысяч, отдаю тебе твои две. Так что ты должен быть заинтересован, чтобы повернуть все это побыстрее.

Телефон поехали искать на «девятке» Ложкина – свою машину Чеков давно был вынужден продать. Какими мотивами руководствовался друг при выборе телефона, Ложкина не очень волновало. Его больше интересовало, почему Чеков не хочет звонить сам.

– Все очень просто, – объяснил Чеков. – Пусть они думают, что нас целая банда. На людей это производит впечатление. Когда говорит один и тот же человек, все будут думать, что действует одиночка, и станут валять дурака. К тому же этот чертов антиквар может узнать мой голос. Я, правда, в прошлый раз говорил басом и через платок, но лучше, чтобы позвонил кто-то другой. Только не мямли. Говори веско и зловеще.

Подходящий телефон-автомат нашли на Мичуринском проспекте. Чеков загнал Ложкина в кабинку и, держа за пуговицу, втолковывал:

– Сейчас звонишь аптекарю. Он вообще на встречу не пришел и в суть дела не посвящен. Наверное, решил, что это просто шутка. Но я сегодня за десять баксов нанял пацана-школьника, который зашел в аптеку и вручил пану аптекарю конвертик. Спросишь, как ему понравился снимок и хочет ли он, чтобы это фото увидели его жена и дети.

– А потом?

– Потом передашь трубку мне.

– И я свободен? – с надеждой спросил Ложкин.

Чеков сердито поморщился.

– Сначала звякнешь антиквару. Найдем другой телефон. А потом мы с тобой немного выпьем. Возражения имеются?

– Ну-у... – замялся Ложкин.

– Возражений нет, – заключил Чеков. – Набирай номер!

Ложкин механически давил на кнопки, а сам думал о том, что выпить ему не помешало бы прямо сейчас. Он так увлекся этой мыслью, что не сразу отреагировал на щелчок в трубке.

– Аптека слушает, – произнес мелодичный женский голос.

Ложкин оглянулся на Чекова и поспешно сказал:

– А мне бы, это, хозяйина! По личному!

– Вам Евгения Тимофеевича? – немного удивилась женщина. – А как сказать – кто его спрашивает?

– Скажи – фотограф, – брякнул Ложкин, но Чекову это понравилось – он показал Ложкину большой палец. – Только побыстрее!

– Хорошо, подождите минуточку, – озадаченно проговорила женщина и пропала.

Примерно через полминуты в трубке зашуршало, и уже мужской голос, спокойный и уверенный, проговорил:

– Тищенко слушает! Кто это?

Ложкин сглотнул слюну и нарочито грубо спросил:

– Ты это... фотки видел? Понравилось?

– Ага, значит, это ваших рук дело? – как будто даже с облегчением произнес аптекарь. – Очень забавно. Но скажите, для чего вам это понадобилось?

Чеков, который, склонив голову к телефону, прислушивался к разговору, выхватил трубку из руки Ложкина.

– Слушай внимательно! – грозно сказал он. – У нас таких фотографий много. Если не хочешь, чтобы их увидели твои жена и дочери, приходи сегодня в одиннадцать вечера ко входу Медведковского кладбища. Приходи один, понял?

Он хотел еще что-то добавить, но аптекарь вдруг перебил его.

– Насколько я понимаю, – вежливо сказал он, – вы рассчитываете получить выкуп за эти фотографии, верно?

– Голова у тебя работает, – одобрительно заметил Чеков. – Если ты такой умный, то можешь сразу захватить с собой двадцать штук в твердой валюте. Все вопросы тогда будут сняты раз и навсегда.

– Я приму ваши слова к сведению, – терпеливо ответил аптекарь. – Но все-таки надеюсь, что мне удастся хотя бы немного сбить цену. Поговорим вечером.

– Цена реальная, – сердито сказал Чеков. – Поэтому лучше не тяни время.

Он говорил по-прежнему жестко, с угрожающими интонациями, но на последних словах лицо его разочарованно вытянулось, и он с неприкрытым раздражением обрушил трубку на рычаг.

– Повесил трубку, сволочь! – объяснил Чеков. – Крутого из себя строит. Ничего, обломает. Заплатит как миленький!

Он сердито толкнул дверцу кабины и вышел, бросив через плечо:

– Давай, шевелись! Нам еще антиквару позвонить надо и к вечеру подготовиться...

Такая постановка вопроса Ложкину совсем не понравилась, и у него тоскливо заныло сердце, но противоречить раздраженному Чекову он поостерегся.

## Глава 2

Служебный телефон на столе полковника Гурова звонил часто, особенно по утрам. Но случаи, когда звонок поступал лично от начальника главка, можно было по пальцам пересчитать. Обычно генерал Орлов предпочитал действовать через секретаря. Но сегодня он позвонил сам.

– Зайди ко мне, – распорядился он. – Даже если занят. У меня к тебе приватный разговор.

Приватный разговор мог означать что угодно, но Гуров был почти уверен – речь все равно пойдет о служебных делах. У них с генералом все разговоры кончались именно этим.

Гуров не стал мешкать и тут же отправился к генералу, на всякий случай захватив с собой бумаги по последнему делу.

Но бумаги не понадобились. Орлов не стал интересоваться проделанной работой. Он действительно заговорил о своем, и действительно в этом «своем» практически ничего личного не было. Речь шла о преступлении.

– Присаживайся, Лева! – добродушно предложил Орлов, поводя рукой над своим огромным полированным столом, вдоль которого были расставлены удобные, но довольно старомодные кресла. – Не знаю, правильно ли я делаю, что отвлекаю тебя. Наверное, следовало бы поручить это дело кому-нибудь из молодых. Для тебя оно вроде мелковато... Знаешь, как мы поступим? Я тебе сейчас все объясню, а ты уж сам решай – браться за дело или нет. Захочешь уважить старика...

– Ты, Петр Николаевич, зря из себя смиренного разыгрываешь! – с улыбкой заметил Гуров. – Насколько я понимаю, когда дело поручает генерал, оно по определению не может быть мелким. А потому отвечу одно – готов выполнить любое поручение, которое доверит мне руководство. Не щадя здоровья и самой жизни.

– Ты про здоровье брось! – строго сказал генерал. – В нашем возрасте здоровье в первую очередь беречь надо. Жизнь – бог с ней! Ее мы с тобой, считай, уже прожили, а вот со здоровьем аккуратнее надо. У тебя жена молодая, красивая... Ну, ладно, это я отвлекся, а речь-то вот о чем... Есть у меня один родственник – не то чтобы совсем дальний, но не близкий, это уж точно. Видимся мы раз в сто лет, но это не мешает мне его уважать. Он историк, исключительно образованный и умный человек. Научные труды имеет. Он уже в годах, из дома практически не выходит. Но ясность ума до сих пор сохранил и даже продолжает собирать свою коллекцию. Он, понимаешь, на своей истории помещан. Антиквариат – его страсть. Все собирает, что, так сказать, из глубины веков к нам пришло. Мебель, оружие, картины... У них, у собирателей, свой круг имеется, конечно. Так вот... Вчера вечером этот родственник – кстати, его Валерий Игнатьевич Солоницын зовут – мне позвонил и обратился с не совсем обычной просьбой.

– Что-то с его коллекцией? – спросил Гуров. – Что-нибудь пропало?

– Нет, у него самого все в порядке, слава богу! – отмахнулся генерал. – Он не за себя просил. Есть у него приятель – если можно так назвать человека в два раза моложе, который держит магазинчик антиквариата в районе Тверской улицы. Вот у того неприятности.

– Что значит – неприятности?

– Ну, поскольку об этих неприятностях беседуем сейчас мы с тобой, а не какой-нибудь пожарный надзор, то и неприятности у этого человека, естественно, соответствующие. Криминального характера неприятности. Кто-то его шантажирует или пытается шантажировать – я, честно говоря, вникать сильно не стал.

– Не генеральское это дело – вникать, – с невинным видом поддакнул Гуров.

– Вот именно, – усмехнулся Орлов. – Я сразу подумал, что ты сам лучше вникнешь. Так что если нет у тебя возражений, то выполни мою просьбу – наведайся к этому человеку и все разузнай, а по возможности и помоги. Не слишком это для тебя обременительно?

– Ну что ты, Петр Николаевич! Какие проблемы! Тем более что шантаж – преступление серьезное. С нашей стороны оставлять его без внимания было бы нехорошо.

– Вот именно, нехорошо, – согласился генерал и протянул Гурову сложенный вдвое листок. – Тут адрес этого человека, домашний и магазина. Если время есть, можешь прямо туда к нему подъехать.

– Разрешите подключить Крячко, товарищ генерал? – спросил Гуров, разворачивая листок.

– А куда же ты без него? – удивился Орлов. – Подключай, конечно. Вместе работать будете. А если там ничего серьезного не обнаружится, то вместе это дело и отметим. Все-таки семейное дело, как ни крути.

Гуров прочел на листке имя – Шестопалов Арсений Викторович – и поднял глаза на генерала.

– У меня вопрос: почему гражданин Шестопалов не обратился прямо в милицию, а предпочел действовать через своего знакомого?

Генерал развел руками.

– Ну, знаешь, чужая голова – потемки! – немного смущенно сказал он. – Со стариками ведь хуже, чем с малыми детьми. Чуть начнешь задавать вопросы – уже обижаются: мол, хочет отделаться, крутит чего-то... Ты должен меня понимать, ведь мы с тобой уже и сами почти старики. Одним словом, про мотивы гражданина Шестопалова я ничего уточнять не стал, а просто обещал разобраться. Но я лично предполагаю, что Шестопалов попросту не доверяет милиции. Он, скорее всего, так рассуждает – ну придет молодой лейтенант, чужой и равнодушный, ну задаст какие-то формальные вопросы, напишет протокол, и на этом все закончится. А то, глядишь, и самого антиквара в преступники про себя зачислит – откуда все это добро у него, не краденое ли? Чего греха таить, многие ведь так рассуждают, сам знаешь. А через знакомого оно, конечно, надежнее.

– Получается, что и впрямь надежнее, – улыбнулся Гуров. – Значит, у меня остался последний вопрос – разрешите приступить, товарищ генерал?

– Да, лучше будет, если ты займешься этим не откладывая. Если там ничего серьезного нет, я уже вечером успокою старика.

– Будем надеяться, – сказал Гуров.

Полковник Крячко, верный помощник и старый друг Гурова, дождался в кабинете. Его широкое красноватое лицо, казавшееся многим простоватым и некрасивым, выражало довольство и живейшую заинтересованность.

– Сварганить кофе? – поинтересовался он и, получив отрицательный ответ, с ходу задал новый вопрос: – По какому поводу его превосходительство вызывало тебя на ковер? Мы в чем-то провинились?

– Скорее наоборот, – ответил Гуров. – Нам оказано особое доверие. Личная просьба Петра – проверить жалобу одного антиквара. Кажется, он стал объектом шантажа. Ты что-нибудь смыслишь в антиквариате?

– Не очень, – признался Крячко. – Я больше насчет шантажа.

– А фамилия Шестопалов тебе известна?

– В одна тысяча девятьсот шестьдесят шестом году мне довелось брать квартирного вора с такой фамилией, – припомнил Крячко. – Но ему уже тогда было лет под сорок. Не думаю, что это он. Тот, по-моему, вообще вскоре умер в тюрьме. Как ни странно, своей смертью – у него было слабое сердце.

– Тогда это точно не он, – согласился Гуров. – Наш Шестопалов жив и здоров. Торгует антиквариатом и дружит с родственником Петра, профессором-историком. Сейчас мы едем к нему в магазин.

– Я не возражаю. Едем, – сказал Крячко. – Хотя лично я предпочел бы, чтобы он торговал пивом и сосисками.

– Мы не обедать едем, – заметил Гуров. – И вообще, дело серьезное. Так что придержи свои шуточки до конца визита.

– Среди антиквариата у меня не будет настроения шутить, – ответил Крячко. – Это все равно что на кладбище шутить.

Предварительно звонить антиквару они не стали. Гурову хотелось увидеть, как отреагирует на их появление неподготовленный человек. Не то чтобы он собирался действовать тем же методом, что и рожденный воображением Орлова лейтенант, но здоровая доля скепсиса, выработанная годами работы в милиции, всегда давала о себе знать. В его практике не редки были случаи, когда жертва преступления оказывалась в итоге вовсе не жертвой, а совсем даже наоборот. Поэтому Гуров предпочитал абсолютную чистоту эксперимента.

Маленький магазинчик в одном из переулков, выходящих на Тверскую, был погружен в тишину и полумрак. Такая обстановка как нельзя лучше соответствовала характеру товара, которым здесь торговали. Собственно, это и товаром-то было трудно назвать – вся эта потемневшая, причудливых форм мебель, старинное стекло, зеркала, чугунное литье, серебряные украшения, книги в кожаных переплетах больше напоминали памятники ушедших эпох. Крячко был прав – блуждая среди этих предметов, человек начинал чувствовать если не скорбь, то уж глубокое почтение непременно.

Их встретил сам хозяин, человек лет сорока, высокий, худой, с забавной эспаньолкой, которая делала его похожим на кардинала Ришелье из фильма про мушкетеров. Он был одет в просторные темные брюки и коричневый вельветовый пиджак с кожаными заплатками на локтях.

– Чем могу служить, господа? – спросил он чуть печальным голосом, пытливо взглядываясь в лица неожиданных посетителей.

Гуров объяснил суть их визита, предварительно удостоверившись, что имеет дело действительно с господином Шестопаловым.

Он с удовлетворением отметил, что антиквар, узнав, кто они такие, искренне обрадовался. Было непохоже, чтобы этот человек имел какие-то задние мысли.

– В самом деле? Это просто замечательно! – пылко воскликнул он. – Я, признаться, не ожидал, что все так скоро разрешится... Однако что же я держу вас здесь? Прошу вас, пройдите во внутреннюю комнату! Там нам будет удобнее беседовать. А я только закрою магазин...

Он опрометью метнулся к дверям, повесил табличку «Закрывается» и запер замок.

– Ну вот, теперь нам никто не помешает, – заключил он, удовлетворенно потирая руки. – Прошу вас, проходите! Что вам предложить, господа, – чай, кофе? Может быть, чего-нибудь покрепче? В боевиках, знаете ли, сыщики всегда пьют виски! И курят сигары... Вы тоже можете закуривать, не стесняйтесь!

Он ввел гостей в небольшое помещение, где стояли кожаный диван, конторский стол с компьютером и сейф. Видимо, это был рабочий кабинет, совмещенный с комнатой отдыха.

– Пожалуй, мы не станем изображать из себя героев боевика. Как-нибудь в другой раз, – улыбнулся Гуров. – А сейчас, без лишних слов, что у вас такое случилось, Арсений Викторович?

Шестопалов как будто на секунду растерялся, провел ладонью по своей кардинальской бородке, а потом скороговоркой сказал:

– Честное слово, сейчас мне уже все это кажется глупостью, чьей-то неумной шуткой. И боюсь, что совершенно напрасно оторвал занятых людей от важных дел...

– Арсений Викторович, давайте не будем размазывать кашу по тарелке, – решительно сказал Гуров. – Если мы здесь, значит, вовсе не считаем, что заняты глупостями. Поэтому реверансы здесь неуместны. Давайте сразу к сути дела. Ведь вас кто-то шантажирует, не так ли?

– Ну-у, пожалуй, что и так, – согласился антиквар. – Если придерживаться фактов, то именно так это и выглядит. Но...

– Вот-вот, давайте придерживаться фактов, – подхватил Гуров. – И без всяких «но». Давайте по порядку. Факт первый?

Антиквар положил ногу на ногу и нервным движением сплел пальцы на коленке.

– Первый факт был тот, что однажды мне позвонили. Днем. Сюда, в магазин. Голос был... Нет, пожалуй, голос был незнакомый. Хотя мне приходится встречаться со столькими людьми, что я вполне мог что-то напутать. Это я к тому, что потом... Хотя я, кажется, опять сбился, – смущенно поправился он. – Важно ведь, что этот человек мне сказал, верно? Он сказал, что нам нужно встретиться, чтобы обсудить очень важный для меня вопрос. Жизненно важный.

– Какой именно вопрос имелся в виду? – спросил Гуров.

– По телефону он этого не сказал, – ответил Шестопалов. – Но слова его звучали очень неприятно. Я бы сказал, зловеще. Не буду скрывать, я напугался.

– Арсений Викторович, скажите честно, вам было чего пугаться? – Гуров пристально посмотрел антиквару в глаза.

Тот выдержал его взгляд и без колебаний ответил:

– Наверное, каждому в этой жизни есть чего пугаться. Будь я без греха – мне уже сейчас бы полагалось место в райских кущах, среди белокрылых херувимов. Увы, грешен! Но скажу откровенно, мои грехи вряд ли подпадают под статьи Уголовного кодекса, и я в них каяться не буду, извините. Но скажу вам, что любое наказание когда-то заканчивается, но только не муки совести... Впрочем, я опять пустился в посторонние рассуждения...

– Ничего, в этом случае посторонние рассуждения дополняют картину, – успокоил его Гуров. – И что же вы решили делать?

– Ну, сначала я не хотел идти, – сказал Шестопалов. – Решительно не хотел. Убеждал себя, что это всего лишь дурацкая шутка. Но потом приуныл. Понимаете, у меня чудесная жена. Она филолог по образованию, утонченная, доверчивая женщина. Она ошиблась временем. Ей следовало бы родиться в середине девятнадцатого века, в каком-нибудь дворянском гнезде, понимаете? Этот жестокий мир не для нее. Я побоялся, что этот мерзавец может позвонить домой и до смерти напугать ее. И тогда я решил идти.

– Вы никому ничего не сказали?

– Никому и ничего. У меня просто не было времени. Встреча была назначена на тот же вечер в сквере неподалеку от стадиона «Динамо». Между прочим, в самом темном месте. И вот тут у меня создалось впечатление...

– Подождите, Арсений Викторович, – перебил его Гуров. – Назначая вам место встречи, этот человек ставил какие-нибудь условия?

– Да, конечно. Он потребовал, чтобы я пришел непременно один и захватил с собой фонарик.

– Фонарик?

– Да. Как выяснилось, он собирался продемонстрировать мне фотографию.

– Он показал вам фотографию? Какую?

– Довольно мерзкую, – усмехнулся Шестопалов. – Мягко говоря, это была эротическая фотография. Сцена оргии, а в центре – ваш покорный слуга в окружении неодетых вакханок.

– Вот, значит, как, – задумчиво протянул Гуров и, деликатно кашлянув, спросил: – Это была подлинная фотография, Арсений Викторович?

Антиквар сделал протестующий жест.

– Ни в коем случае! Что вы! – горячо сказал он. – Это была, несомненно, фальшивка. Но довольно убедительно сфабрикованная.

– Показав фотографию, этот человек чего-то потребовал от вас?

– Да, он потребовал выплатить ему двадцать тысяч долларов, – кивнул Шестопалов. – Иначе обещал предъявить фотографию – и не одну! – моей жене, знакомым, родственникам...

– А вы?

– Я обещал подумать, – сказал антиквар. – Понимаете, я был совершенно смятен. В голове все перемешалось. Мне действительно нужно было подумать. Я забрал эту мерзкую фотографию и ушел. Этот мерзавец назначил мне очередную встречу на следующий день, но я не явился.

– Не явились? Почему же?

Шестопалов пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, пресловутое русское «авось». Подумал, что пронесет, что, если я не заплачу и буду сидеть тихо, может быть, шантажист махнет на меня рукой.

– Не пронесло? – догадался Гуров.

Антиквар помотал головой и сказал грустно:

– Наивно было так думать. Два дня назад, четвертого июля, позвонили снова. Говорил уже другой человек. Впрочем, первый потом тоже подключился. Оба очень нервничали и угрожали. Назначили последнюю встречу возле Пятницкого кладбища – пятого июля, и снова в одиннадцать часов вечера... Кстати, та встреча, на которую я не пошел, тоже была назначена в районе кладбища – только в тот раз Даниловского...

– Ага, значит, пятого вы на встречу пошли? – оживился Гуров.

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул Шестопалов. – Я совсем потерял голову. Идти было страшно и не идти тоже было страшно. Если бы эти фотографии увидела моя жена, для нее это был бы такой шок, от которого она вряд ли оправилась бы. Но выложить вот так сразу двадцать тысяч для нас слишком накладно. То есть я оказался в тупике, понимаете? И тогда я позвонил Солоницыну.

– Понятно, – сказал Гуров. – А шантажисты? Они вас пока больше не тревожили?

– Удивительно, но пока все тихо. Однако я все время как на иголках. Мне это представляется затишьем перед бурей.

– Хорошо, давайте тогда перейдем к деталям, – заключил Гуров. – Покажите нам фотографию.

Антиквар смущенно крикнул, помешкал немного, но потом все-таки поднялся и отпер сейф. Покопавшись там, он достал большой незапечатанный конверт и протянул Гурову.

– Уверяю вас, это фальшивка, – с несчастным видом сказал он. – Никогда в жизни я не позволил бы себе подобного...

Гуров достал фотографию, внимательно посмотрел на нее и передал Крячко. Тот взглянул и потрясенно покачал головой.

– Да-а-а! Крепко! – сказал он. – Вот у меня жены нет, но получить такую картинку я бы все равно не хотел. Расчет примитивный, но точный. Для порядочного человека такая штука хуже чумы. Только зря вы сразу не обратились в милицию. Взяли бы этого типчика уже на Даниловском кладбище. Тут, по-моему, не профессионал действовал.

– Кстати, о том, кто действовал, – заметил Гуров. – Вы, помнится, говорили, что этот человек показался вам знакомым, Арсений Викторович?

Антиквар замялся.

– Не то чтобы знакомым, – пробормотал он. – Но у меня сложилось впечатление, что я будто бы видел когда-то этого человека. Молодой, крепкий, высокий... Правда, там, где мы встречались, было довольно темно... Вряд ли я смог бы сейчас описать его внешность. Но ощущение, что где-то я его видел, осталось. И голос. Голос тоже что-то напоминает. Но... – Он развел руками.

– В общем, думаю, ощущения вас не обманывают, – согласился Гуров. – Скорее всего, вы действительно встречались с шантажистом раньше. Во всяком случае, он вас знает неплохо.

Знает вас, ваше материальное положение, знает про вашу жену. Как правильно сказал мой коллега, он руководствуется примитивным, но точным расчетом. Он запросил с вас не сто тысяч, которых вы наверняка не потянули бы. И он бьет в самое больное для вас место. Признайтесь, если бы вы были уверены, что после выплаты этих денег вас навсегда оставят в покое, вы бы, пожалуй, смирились?

– Не знаю, – покачал головой Шестопалов. – Откровенно говоря, денег мне жалко. Мы с женой не бедствуем, но потеря такой суммы осложнила бы нашу жизнь. Но в чем-то вы правы. За покой и безопасность я готов заплатить. Скажем так: если бы он потребовал сумму в два раза меньшую, я бы, наверное, сдался.

– Итак, что мы имеем? – принялся рассуждать Гуров. – Сегодня шестое июля. Пятого вы должны были отнести шантажистам выкуп на Пятницкое кладбище... Кстати, что это за кладбищенские мотивы? Это обстоятельство не наводит вас случайно ни на какую мысль, Арсений Викторович?

– Абсолютно, – мотнул головой антиквар. – Подозреваю, что так задумано, чтобы нагнать на меня побольше страха.

– Возможно, – сказал Гуров. – Но со вчерашнего дня шантажисты не давали о себе знать, не так ли?

– Если это любители, то вполне могли отстать, – подал голос Крячко. – Человек дважды проигнорировал их намеки, а у них кишка оказалась тонка. Нервишки не выдержали.

– Все может быть, – с сомнением проговорил Гуров. – Будем надеяться, что так оно и есть. Но кое-какие меры мы с вами должны все-таки принять, Арсений Викторович. Где сейчас ваша жена?

– Она работает в одном толстом журнале, пропадает там целый день, – ответил антиквар. – Приходит домой усталая, но необычайно одухотворенная. Еще бы, она занимается любимым делом! А тут такой сюрприз...

– На вашем месте я бы все ей рассказал, – посоветовал Гуров. – Так все-таки будет менее болезненно, чем если в один прекрасный день это свалится на нее как снег на голову. Ведь вам не обязательно показывать фотографию, верно? Тем более что мы с коллегой ее забираем. Она нам понадобится для расследования.

– Я вас понял, – покорно сказал Шестопалов. – Сегодня же все расскажу Лене.

– Прекрасно. Вот вам моя визитная карточка, – объявил Гуров. – Если преступники опять вступят с вами в контакт – немедленно звоните мне в любое время дня и ночи. Немного попозже мы пришлем к вам специалистов – они поставят ваш телефон на прослушку. Возможно, нам удастся засечь их звонок, если таковой состоится.

Антиквар с благоговением взял тонкими длинными пальцами картонку и аккуратно вложил в свой бумажник.

– Я обязательно позвоню, – пообещал он. – Ну и, разумеется, я весь к вашим услугам. Делайте все, что необходимо.

– И последняя просьба, – обратился к нему Гуров. – Поройтесь в памяти. Может быть, вспомните человека, который встречался с вами около «Динамо». Попробуйте составить список всех ваших знакомых – это может помочь. Если появятся какие-то соображения – тоже немедленно звоните. А мы пока попробуем выяснить, откуда взялась эта фотография. Не с Луны же она к нам свалилась.

## Глава 3

Ложкин остановил машину в переулке между торговым комплексом «Минитэкс-М» и жилыми домами. Метрах в ста пятидесяти отсюда виднелись слабые огни вокруг ограды Медведковского кладбища. Прохожих на улице было немного, но в домах еще не спали – большинство окон ярко светилось. Часы показывали десять. Ложкин выключил мотор.

Чеков, сидевший рядом, зашевелился и принялся шарить по карманам. Ложкин ждал, тупо глядя в приборную доску. Он подчеркнуто старался держаться отстраненно, злясь на себя и на своего бесцеремонного друга, который втянул его в свои сомнительные делишки.

Ложкин и сам не понял, как так получилось, что и после телефонных звонков, на которых его участие, по идее, должно было закончиться, он по-прежнему повиновался указаниям Чекова, забросив собственные дела и забыв о собственной безопасности. Наверное, все дело было в его мягком характере.

Правда, сначала они, как и обещал Чеков, выпили. Ни в какой кабак не пошли, а, взяв хорошей водки, отправились к Ложкину домой – он жил на Волгоградском проспекте, совсем недалеко от метро. К себе Чеков не звал, так как туда в любую минуту мог нагрянуть кто-то из ребят Костюкова. В студии тоже решили не рисоваться. К Ложкину должен был зайти Блонди, поговорить насчет нового проекта, а Чеков не хотел, чтобы их видели вместе.

Много пить не стали, но на старые дрожжи Ложкина здорово разобрало, и какое-то время он плохо контролировал свои действия. И то, что он дал слово Чекову поехать вместе с ним к Медведковскому кладбищу, ничем другим объяснить невозможно. Чеков мигом за это уцепился и говорил о предстоящем предприятии как о деле решенном, а Ложкин, хотя уже немного и протрезвел, не нашел в себе решимости взять необдуманное слово обратно.

Так и получилось, что вечером они вместе отправились на дело. Чеков горячо уверял друга, что делать тому ничего абсолютно не придется – он просто будет сидеть в машине и ждать, когда возвратится Чеков с деньгами.

– Подумай, чудило, не ехать же мне с этой кучей баксов в метро! – с преувеличенной веселостью убеждал Чеков.

Ложкин, которого мутило с похмелья и от страха, этой веселости совершенно не разделял и всем видом своим старался показать, как он зол. Но на Чекова это абсолютно не действовало. Он был весь охвачен предвкушением близкой поживы. Почему-то он был совершенно уверен, что тихий аптекарь отдаст деньги без звука, едва увидит первую фотографию.

Теперь, когда Чеков рылся по карманам, Ложкин решил, что он ищет именно конверт с фотографиями, и был несказанно удивлен, когда в руках у друга неожиданно появился небольшой, но, без всякого сомнения, самый настоящий пистолет! Он уже не мог дальше изображать безразличия и, открыв рот, пораженно уставился на Чекова.

– Я не знал, что у тебя есть пушка! – озабоченно сказал он.

– Да вот, взял как-то по случаю, – небрежно ответил Чеков, проверяя обойму. – Сегодня он будет как раз кстати. Мало ли что может прийти в голову человеку, которого приперли к стенке? А под дулом все становятся покладистыми.

– Ну ты даешь! – покачал головой Ложкин. – А если тебя с ним заметут? И вообще... Давай бросим это дело, а? Пока не поздно...

Чеков сердито уставился на него и несколько секунд молчал. Потом вогнал ладонью магазин в рукоятку пистолета и тоном, не терпящим возражений, заявил:

– Ты чепуху говоришь. Отказаться от бабок, когда они у тебя почти в руках – так только идиоты поступают. Не понимаю, чего ты боишься. Мы все предусмотрели. Приехали за час, у нас есть оружие, и вообще... Сейчас ляжем в укромном месте и будем ждать. Если аптекарь придет не один, мы сразу отвалим. Дело верное!

– Пстой! – негодующе воскликнул Ложкин. – Что значит – заляжем? Ты сказал, что я только подожду тебя в машине!

– Ну-ну, что ты раскипятился! – немного смущенно пробормотал Чеков. – Правильно, я так сказал. Но потом подумал – все-таки этот тип живет в нашем дворе. Вдруг он запомнил мое лицо? Мало ли что – всегда лучше подстраховаться.

– Я никуда отсюда не пойду, – решительно заявил Ложкин. – И вообще уеду на хрен, если ты не отстанешь!

Чеков нахмурился и долго разглядывал разгневанного друга, словно впервые его видел.

– Значит, стоило мне попасть в серьезную передрагу, как ты сразу в кусты? – произнес он наконец мрачным и разочарованным тоном. – Не ожидал я этого от тебя, Диман, совсем не ожидал!

Ложкин буквально задохнулся от возмущения.

– Он не ожидал! – завопил он каким-то чужим тонким голосом. – Он не ожидал! Ни хрена себе! А кто, интересно, тебе денег взаймы давал? Кто по телефону звонил? Кто тебе фотки делал?! Пушкин, что ли?

– Вот поэтому я и удивляюсь, – ничуть не смутившись, заметил Чеков. – До сих пор вел себя как мужик, а тут запаниковал. А ты, между прочим, кровно заинтересован в этом деле, ведь там и твои деньги.

От такой бесцеремонности у Ложкина просто язык отнялся. Но Чеков, не давая ему опомниться, заботливым тоном продолжил:

– И потом, ты уже и так здорово засветился, Диман! Карточки кто делал – я, что ли? А если меня заметут, то и тебе не отмазаться. Ты вот о чем подумай! У нас в суде не больно разбираются, кто прав, кто виноват. Впаяют как соучастнику. А там и твоя порнуха всплывет... Обязательно всплывет! Такие вещи не спрячешь. Поэтому, я считаю, у тебя сейчас один выход – идти со мной. Все образуется, вот увидишь! Карта нам сейчас так и прет! Грешно упускать такой момент, пойми!

Ложкин не верил своим ушам – и это говорил человек, которого он всю свою жизнь считал лучшим другом! Да он просто всю жизнь использовал Ложкина, вил из него веревки! Но, к сожалению, в его словах было слишком много правды. Ложкин и в самом деле завяз по уши. Какой же он дурак, что еще в тот раз поддался на уговоры Чекова, и дважды дурак, что не уничтожил лишние копии этих дурацких фотографий! Они по-прежнему лежат у него в студии – он даже не спрятал их хорошенько. Достаточно поверхностного обыска, чтобы их обнаружить. И не только их – самопальное порно тоже валяется у него где попало. Может быть, сейчас с этим и не так строго, как раньше, но, если завертится такая карусель, суд с удовольствием приплюсует порнуху к прочим грехам. Тут Чеков опять прав. Положение у него скверное, и особенно скверное из-за того, что теперь Ложкин не может доверять Чекову так, как прежде. Дружок его оказался чем-то вроде чемодана с двойным дном, в котором таилась масса сюрпризов, и все они, как на подбор, были неприятными. Пожалуй, если дела у него не заладятся, он сам сдаст Ложкина с потрохами – просто чтобы не страдать одному.

Обдумав все это, Ложкин хмуро сказал:

– Ладно, хрен с тобой! Но учти, это в последний раз! И завтра же вернешь мне мои деньги!

– Какой вопрос! – легко ответил Чеков. – Само собой, верну. С процентами верну, чтобы только ты не плакал! – В его голосе прозвучали насмешливые нотки.

Ложкин только скрипнул зубами, но ничего не сказал. Они вышли из машины, и Ложкин хотел запереть дверцы.

– Знаешь что? Оставь так, – вдруг сказал Чеков. – Ключи забери, и все. Тут вроде тихо, не угонят твою тачку!

– Чего это? – насторожился Ложкин. – Ты чего-то боишься? Думаешь, бежать придется?

– Да ничего я не боюсь и не думаю! – с досадой сказал Чеков. – Просто не за грибами идем. Всякое предвидеть надо. Мало ли что? Менты вдруг, или еще какой-нибудь форс-мажор. Короче, не запирай дверцы, никуда твоя жестянка не денется!

– Это не жестянка, – с обидой сказал Ложкин. – Нормальная тачка. У тебя и такой нет, между прочим.

Однако в результате машину он так и не запер, в очередной раз подчинившись нажиму Чекова. Но еще больше испортило ему настроение то, что друг неожиданно выхватил из его рук ключи и как ни в чем не бывало сунул их в свой карман.

– Так надежнее, – небрежно сказал Чеков. – Ты – растяпа. Не дай бог, потеряешь. Ключи должны быть у надежного человека.

Он продолжал делать вид, будто все идет как надо и никаких недомолвок между ними не существует. Держался уверенно и деловито, как хирург перед ответственной, но не слишком сложной операцией.

– Так, сейчас мы просто обойдем кладбище с тыла, – объявил он Ложкину, увлекая его в темный проезд между двух жилых домов. – Сделаем небольшой кружок и подвалим туда со стороны Яузы. По травке. Фонарей там немного, нас никто не заметит...

– А если этот аптекарь стукнул в ментовку? – угрюмо спросил Ложкин.

Чеков недовольно покосился на него. Эта неприятная мысль его самого беспокоила. Он боролся с ней простым способом – старался об этом не думать и надеяться на удачу.

– Не каркай! – буркнул он. – Не станет он в милицию стучать. Сейчас народ пуганный. Проще заплатить, чем потом всю жизнь на врачей работать. Мы, конечно, не звери, ничего такого в голове не держим, но аптекарь-то об этом не знает. И так лучше для всех, поверь мне.

Они прошли между домами, потом вдоль погруженного во тьму здания школы и выбрались на улицу в том месте, где она огибала жилой квартал. До зловеще темнеющего в стороне кладбища было не более полутора сотен метров. Чеков остановился на тротуаре, в тени дерева, и внимательно осмотрелся по сторонам.

На освещенной площадке перед воротами кладбища было пусто. Черные кроны деревьев за оградой казались сплошным чернильным пятном на фоне вечерних огней большого города. Мимо проехал автомобиль с затененными окнами. Изнутри его доносился приглушенный стук барабана – водитель слушал музыку. На углу топтались человек шесть подростков – девчонки и парни. Они курили и чему-то громко смеялись, демонстративно показывая, как они беззаботны и уверены в себе и как им безразлично соседство такого печального места, как кладбище. В какой-то момент они даже повернулись и пошли толпой в сторону кладбищенских ворот. Чеков взял Ложкина за плечо и легонько его подтолкнул.

– Давай обойдем кладбище, присмотримся. Особенно не рисуйся, но сам держи нос по ветру! Давай, двигай!

– А ты? – набычился Ложкин.

– Я тебя догоню, – успокоил его Чеков. – Нам сейчас не стоит толпой мотаться. Чем меньше будем привлекать внимания, тем лучше.

Ложкин тихо выругался, но все-таки подчинился. Он перешел улицу и, стараясь держаться в тени, засеменил в сторону кладбища. Чеков неодобрительно посмотрел ему вслед, покачал головой, а потом, сунув руки в карманы куртки, неспешно пошел налево вдоль домов. Он вел себя как человек, который возвращается домой и у которого нет никаких других забот, кроме как хорошенько поужинать и лечь спать. Однако по сторонам он смотрел очень зорко, подмечая все укромные уголки и подозрительные фигуры, которые потенциально могли быть опасны. Пока Чеков не заметил ничего такого, что могло бы по-настоящему напугать его. Стоял тихий летний вечер, резвилась, как ей и положено, молодежь, на кладбище вечным сном спали люди, которых Чеков не знал никогда и не видел, и никто не прятался в кустах, не звенел наручниками и не переговаривался лихорадочно по рации.

Как ни рисовался Чеков перед Ложкиным, а нервы у него были взвинчены до предела. Шантаж – не самое спокойное занятие на свете, особенно когда занимаешься им впервые. Чеков был уверен, что рассчитал все точно, но когда схема начала давать сбои, слегка испугался. Он нацеливался на быстрый результат, а к долгой осаде был не готов. Окрыленный первой удачей, он не сразу сообразил, что с аптекарем и антикваром дело затягивается самым безобразным образом, и с каждым часом оно становится все более опасным и непредсказуемым. Отступить Чеков не собирался – слишком многое было поставлено на карту, да и собственное упрямство не позволяло ему этого сделать, но чувствовал он себя совсем не так уверенно, как вначале. Он теперь допускал, что кто-то из его жертв мог обратиться в милицию, и побаивался оказаться в западне. Правда, о способностях стражей порядка Чеков был не слишком высокого мнения и считал, что такой умный и решительный человек, как он, всегда может обвести милицию вокруг пальца. Но все равно действовать теперь следовало гораздо осторожнее и рассчитывать каждый свой шаг.

Именно по этой причине Чеков выбрался на место встречи за час до срока и взял с собой Ложкина, который должен был сыграть роль амортизатора на тот случай, если произойдет что-то непредвиденное. Чеков намеревался использовать Ложкина в качестве разведчика, хотя и не думал предупреждать его об этом.

Ложкин, по мнению Чекова, был неплохим парнем, но не слишком хорошим другом. Он никогда сам не предлагал помощь и до денег вообще был жаден до неприличия, хотя совсем неплохо заколачивал на своей вонючей порнухе. Постоянно приходилось напоминать ему очевидные вещи, хотя Ложкин отлично знал, в каком отчаянном положении находится друг, и вполне мог хотя бы морально поддержать Чекова. Но он думал только о собственном благополучии. Потому и Чеков относился к нему немного пренебрежительно, зная, из какого ненадежного материала сделан приятель.

Чеков прогулялся вдоль улицы, заглянул в темные углы, понаблюдал. Ничто не вызывало у него подозрений. За час до назначенной встречи на условленном месте все было спокойно. Никаких признаков засады. Пожалуй, он зря так нервничает, подумал Чеков. Уж он-то ментов знает как облупленных. Приходилось ему отмазываться от ментов и когда он приторговывал дурью, и когда морочил голову любителям делать ставки на результаты футбольных матчей, и когда за гроши скупал антикварные вещички у одиноких старушек. Менты держат нос по ветру и за так пальцем не пошевелинут. Они не меньше других любят откаты и хрустящие зеленые бумажки. Чеков голову готов был дать на отсечение, что если аптекарь побежит в милицию, там с него сдерут за помощь не меньше, чем просит Чеков, да вдобавок еще и самого проверят на легальность бизнеса. С Чековым, пожалуй, будет проще договориться, и если этот аптекарь не полный дурак, то он именно так и поступит.

А если аптекарь все-таки накатал заявление в милицию, то опера, скорее всего, приедут ровно в одиннадцать и без особого напряжения попытаются накрыть Чекова с поличным. Но он пошлет вперед Ложкина, который вообще чист как стеклышко – просто гуляет человек, воздухом дышит. Ну возьмут его, так все равно назавтра отпустят, потому что против него нет никаких улик.

В этих рассуждениях было одно слабое место, и Чеков отчетливо понимал, где оно, это место. Ложкин и был этим слабым местом. Все должно получиться, если он будет держать рот на замке. Но если он в милиции дрогнет и наговорит лишнего, тогда пиши пропало. На этот случай Чеков собирался предупредить Ложкина самым серьезным образом. Дружба дружбой, но такие вещи, как предательство, не прощаются. Однако из некоторых соображений Чеков не торопился с таким предупреждением. Это он хотел сделать в самый последний момент, когда Ложкин уже не посмеет пойти на попятную.

Кстати, где он сейчас? Чеков остановился и посмотрел на противоположную сторону, где в отдалении располагалось кладбище. С того места, где стоял Чеков, свет на площадке мешал

рассмотреть, что делается вокруг ограды. Все внимание привлекала к себе группка веселящихся подростков, которых близость могильных плит только будто подстегивала. Чекова раздражали эти молодые идиоты, но потом он решил, что лишний отвлекающий момент помешает не столько ему, сколько ментам, если они все-таки здесь окажутся.

Чеков перешел улицу и отправился по газону в сторону кладбища. Пора было разузнать, куда пропал Ложкин. Чеков начинал уже беспокоиться, не сбежал ли он потихоньку. От этой размазни всего можно было ожидать.

Он принялся обходить кладбищенскую ограду слева. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Невольно Чеков прислушивался, не зашумит ли где поблизости автомобильный мотор. Но все вокруг будто вымерло. Даже воплей молодых придурков уже не было слышно. Чеков дошел до края ограды, завернул за угол и остолбенел.

Прямо перед ним, на расстоянии каких-то пяти метров, в тени каменной стены стояли четверо. Трое незнакомых Чекову мужчин в пиджаках располагались к нему спиной, поэтому он не был сразу ими замечен. А четвертому – Ложкину, лицо которого Чеков видел отлично, – было сейчас не до него.

Со стороны могло показаться, что эти четверо просто мирно разговаривают. Но слишком странное место было выбрано для мирного разговора, а кроме того, Чеков отчетливо слышал фразу, которую довольно спокойно произнес один из незнакомцев, обращаясь к Ложкину:

– Слушай меня внимательно, доходяга! Или ты сейчас говоришь нам правду, или мы сломаем тебе руку. Для начала левую. Правую не тронем, чтобы ты мог ширинку застегивать, когда одумаешься...

Ложкин действительно слушал очень внимательно. Можно сказать, он слушал, как загнипнотизированный. На его бледном лице застыла гримаса отчаяния.

Чеков не осознал до конца, что происходит. Для этого он и сам был слишком напуган. Одно было ясно – все его расчеты рухнули, как картонный домик, и он пропал. Что его ждет – тюремная камера, нож под ребра или что-то еще похуже, – Чеков сейчас над этим не задумывался. Он просто почувствовал, как земля уходит из-под его ног.

Почти машинально он вытащил из кармана пистолет и, вытянув руку, направил его на широкую спину, обтянутую добротным пиджаком с двумя разрезами сзади. Раньше Чекову ни разу не приходилось пользоваться пистолетом. Он приобрел его без особой цели, скорее из потаенной мальчишеской страсти к оружию. Это была компактная «беретта», в магазине которой было всего четыре патрона. В глубине души Чеков не был даже уверен, что из этой штуки можно убить человека. Вернее, он не знал, хватит ли у него духу нажать на спусковой крючок. Вытянутая рука с пистолетом была просто жестом самозащиты. Чеков пытался отгородиться от того страшного, что накатывалось на него из вечерней темноты.

И тут Ложкин наконец увидел его. Он заморгал глазами и тоже вытянул руку – то ли указывая другим на Чекова, то ли моля о помощи. Люди, окружавшие Ложкина, начали обращаться.

В груди у Чекова будто лопнула какая-то пружина. Его всего обдало ледяным холодом. Он отшатнулся и, видя, что незнакомые люди решительно двинулись в его сторону, без раздумий выстрелил.

Он выпустил все четыре пули подряд, специально никуда не целясь, наспех, стараясь лишь выиграть время. И он никогда так и не признался себе, что первый его выстрел был направлен точно в грудь его другу Ложкину, этой размазне, этой рохле, который мог продать его в два счета, если его вовремя не остановить.

Мозг Чекова отметил автоматически, что после выстрела фигура Ложкина накренилась и стала проваливаться в тень под кирпичной стеной кладбища. Прочие участники этой сцены в одно мгновение тоже словно провалились куда-то. В воздухе растаял треск последнего выстрела.

Пистолет был пуст, путь был свободен, и Чеков побежал. Он бежал так, как не бегал никогда в жизни. Наверное, с таким результатом его запросто могли взять в олимпийскую сборную. Он как вихрь пронесся мимо кладбища, добежал до жилого квартала, нырнул во двор, выскочил с другой стороны и запрыгнул в машину, радуясь, что был настолько предусмотрителен, что оставил ее незапертой и забрал у Ложкина ключи.

Вставить ключ в замок зажигания у него получилось не сразу – сильно тряслись руки. Когда же наконец Чекову это удалось, впереди из-за угла появилась человеческая фигура, которая что есть духу неслась в его сторону.

Чеков закусил губу, завел мотор и, включив заднюю передачу, стал сдавать назад к перекрестку. Темная фигура впереди остановилась, а потом, резко изменив маршрут, бросилась бежать куда-то в сторону и пропала.

Чеков развернулся на углу, секунду подумал и направил машину в ближайший двор. Проехав между домами, он выбрался на проезд Дежнева, сразу свернул на Полярную улицу и помчался, не останавливаясь, дальше, пока впереди не замаячили массивные коробки заводских корпусов. Здесь он свернул направо и немного сбросил скорость, чтобы не привлекать внимания гаишников. Чеков свернул еще в несколько переулков и, поверив наконец, что погоня безнадежно отстала, остановил машину. Спина у него была мокрая от пота. Дрожащими руками он достал сигарету, закурил и стал думать, как жить дальше.

## Глава 4

– Значит, говоришь, что антиквара никто больше не беспокоил? – спросил генерал Орлов, задумчиво вертя в руках авторучку, больше похожую на какой-то экзотический поплавок, чем на орудие умственного труда. Видимо, это был чей-то подарок, который и предназначался в основном для разглядывания, потому что писать этой штукой было вряд ли возможно.

– Никто, – подтвердил Гуров. – Ни единого раза. Мы поставили его рабочий телефон на прослушку, но результатов никаких – только деловые переговоры. Ничего настораживающего и по домашнему адресу. Пресловутые снимки никто не спешит обнародовать, хотя с момента, как Шестопалов встречался с шантажистом, прошло уже три дня. Довольно странное поведение для профессионального преступника. Крячко предполагает, что в данном случае действовал новичок. Исключать этого нельзя – профессионал так легко не отступился бы.

Генерал согласно покачал головой.

– Так-так, – сказал он. – Профессионал не отступился бы, это точно. Но сейчас, знаешь, и новички... – Он махнул рукой. – Еще какие-нибудь соображения по этому случаю у тебя имеются?

– Эксперты изучили снимок, который передал нам Шестопалов, – сказал Гуров. – Утверждают, что занимался монтажом человек знающий. Светотени, пропорции и все прочее передано как положено. Неизвестно, какой из этого типа шантажист, но в смысле работы с изображениями он, несомненно, профессионал. Причем, если лицо Шестопалова на этой фотографии – элемент, в принципе, посторонний, то обнаженная натура подлинная. Думаю, если бы нам удалось выяснить личности девушек, изображенных на этой фотографии, то мы могли бы выйти на человека, делавшего снимок, а через него – на человека, который впоследствии этот снимок использовал для своих неблагоприятных целей. Не исключено, что это одно и то же лицо.

– Да, я видел этот снимок, – сказал Орлов. – Он явно не из семейного альбома. Тут порнографией пахнет. Но, думаю, тебе уже нет смысла заниматься этой мерзостью. У нас есть специальный отдел для этого. Если факт шантажа отпадает, мы с чистой совестью можем заняться чем-то посолиднее. Этот Шестопалов, надеюсь, немного успокоился?

– Я посоветовал ему рассказать все жене, – ответил Гуров. – Он так и сделал. Она была в ужасе, но потом все утряслось. Правда, теперь она панически боится телефонных звонков, но это скоро пройдет.

– Я так и передам Солоницыну, – кивнул генерал. – Худшее позади, скажу я ему. В МУРе займутся этой фотографией – и рано или поздно этих голубчиков все равно найдут. Но больше это никого не должно касаться. Думаю, всем можно успокоиться.

Он внимательно посмотрел на Гурова и нахмурился.

– Я что-то не так сказал? – спросил он недовольно.

– Нет, это скорее я не все сказал, – ответил Гуров. – Мне кажется, это дело не такое простое, каким кажется на первый взгляд. Мы ведь что решили? Состряпал какой-то ухарь-одиночка грязную фотографию и решил сорвать с ее помощью небольшой куш. А когда не получилось, отступил от греха подальше.

– А разве не так?

Гуров пожал плечами.

– Может быть, и так, – сказал он. – Но я вот что подумал. Шантажист дважды назначал Шестопалову встречу на кладбищах. В общем-то, неглупо. Кладбище – место тихое и страшноватое. И спрятаться есть где, и вообще...

– Не понимаю, куда ты клонишь? – проворчал Орлов.

– Преступники люди суеверные и не слишком оригинальные, – продолжал Гуров. – Вот я и подумал – а может, шантажист имел дело не с одним Шестопаловым? Где одна фотография, там может быть и две. И три. И десять. Сколько угодно. А если они действительно были, то где шантажист мог встречаться с остальными своими жертвами? Кладбищ в Москве много...

– Много, – согласился Орлов. – Так что же ты задумал? Выставить на каждом кладбище пост?

– Нет, пока я только проанализировал криминальную сводку за последнюю неделю. Особенно меня интересовали происшествия, случившиеся в районе кладбищ. Понимаешь, мне вдруг пришла в голову мысль – а вдруг шантажист не отступился, а его заставили отступить? Не Шестопалов заставил и не милиция, а кто-то третий. Отсюда и его внезапное молчание.

Орлов уставился на Гурова, и взгляд его оживился.

– Ну-ка, ну-ка! – проговорил он. – Это идея, между прочим! И ты нашел что-то интересное?

– Нашел! – уверенно заявил Гуров. – За последнюю неделю на московских кладбищах было зафиксировано несколько противоправных деяний. Ограбления, осквернение могил, групповые драки я сразу отсеял. Отбросил и те происшествия, которыми уже занимается следствие. Там суть в основном ясна и не представляет для нас интереса. В итоге осталось два нераскрытых преступления – насильственная смерть женщины на Ваганьковском кладбище и убийство в районе Медведковского. Оба трупа пока не опознаны. Документов при них также не обнаружено. Но на женщине я пока решил внимания не сосредотачивать. Все-таки Шестопалов имел дело с мужчиной. И вообще, шантаж, по моему глубокому убеждению, дело сугубо мужское, как ни парадоксально это звучит.

– Наверное, – согласился Орлов. – Только почему ты решил, что это был тот самый мужчина?

– А я и не решил, что это он, – возразил Гуров. – Я водил в морг Шестопалова. Он не опознал убитого. У стадиона «Динамо» был другой человек.

– Ну вот видишь! – заключил генерал. – Что же ты за него уцепился?

– Четвертого июля в районе Медведковского кладбища жители слышали стрельбу. Есть свидетели, как кто-то там за кем-то гнался. Но свидетели эти не слишком серьезные – молодые люди, которые околачивались там поблизости, тусовались, как сейчас говорят. Этим убийством занимается майор Чепасов из местного убойного отдела. Сам он подозревает криминальную разборку. Возможно, так оно и есть. Но я задался вопросом: а не наш ли шантажист, любитель кладбищ, разбирался?

– Ну, для этого надо бы иметь более веские основания, – недовольно сказал генерал. – Сам упоминал, сколько преступлений совершается на кладбищах. И не факт, что там застрелили нашего шантажиста.

– Вполне допускаю, – сказал Гуров. – Могло быть и наоборот – он застрелил. Сейчас важно установить личность убитого.

– Вот пусть твой, как его, Чепасов, и устанавливает эту личность. Тебе-то чего напрягаться? Достаточно того, что мы держим магазин Шестопалова на контроле.

– Я как раз по поводу этого и пришел, – объяснил Гуров. – Мне только что позвонил сам Чепасов. Он сейчас везет в морг на опознание какую-то пару. О погибшем давалась информация по местным телеканалам, и вот двое граждан, мужчина и женщина, явились сами, сказав, что у них пропал знакомый, и он очень похож на тот портрет, что показывали в новостях.

– И ты хочешь присутствовать? Ну что же, я сам виноват – втянул тебя в это дело. Поезжай! Надеюсь, этот бедняга не имеет никакого отношения к шантажу. Откровенно говоря, я собирался перенацелить тебя совсем на другую проблему, но это успеется... Если для тебя это важно – поезжай, взгляни. Но всем остальным пусть занимается этот, как его, Чепасов.

– В жизни не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – заметил Гуров. – Почему-то дело, в которое ты меня «втянул», не кажется мне таким уж элементарным. Оно провоцирует один каверзный вопрос за другим. Мне хотелось бы основательно во всем разобраться.

Скептического отношения генерала ему развеять все равно не удалось – Орлов окончательно уверил себя в том, что шантаж не слишком богатого антиквара был всего лишь случайным эпизодом в жизни неведомого преступника, который, не добившись сразу результата, предпочел отказаться от своих замыслов. Однако сам Гуров смотрел на ситуацию совершенно иначе. Пока он не мог объяснить даже себе, что его беспокоит, но в целом история с неудавшимся шантажом казалась ему необычной, имеющей какой-то непонятный и тревожный подтекст. Его смущали многие вещи – и то, что антиквар будто бы видел раньше преступника, и то, что для встреч выбирались кладбища, и то, что именно на кладбище убили человека, которого хватились только на третий день. Во всех этих мало стыкующихся между собой фактах ощущалась внутренняя связь. К сожалению, ни следователя, ни суд не могли заинтересовать ощущения Гурова, поэтому в придачу к ним не мешало раздобыть парочку-другую фактов, которые с полным основанием можно было бы назвать уликами.

Не откладывая дела в долгий ящик, Гуров разыскал Крячко и поехал с ним в морг.

Майор Чепасов уже провел опознание, но никого из участников не отпускал, дожидаясь Гурова. Вряд ли это было знаком особого уважения – майору просто не хотелось ссориться с главным управлением – это Гуров понял, еще когда впервые встретился с Чепасовым.

Майор был худощавым нервным человеком, пребывавшим в вечном напряжении и ожидании худшего, из-за чего общаться с ним было чрезвычайно сложно, особенно людям, которые в чем-то от Чепасова зависели. Свои отрицательные эмоции он вымещал на них неукоснительно и беспощадно. Иначе он держал себя с начальством, но легче никому от этого не становилось, потому что и в этом случае Чепасов умудрялся вызвать у собеседника ощущение близкой и неотвратимой беды.

– Вот, полюбуйте, товарищ полковник, что за птицы! – с язвительной горечью сообщил он Гурову, когда пришло время знакомиться с людьми, явившимися на опознание. – От них же за версту разит публичным домом. И этот подонок, которого завалили у кладбища, наверняка из той же компании. По моему мнению, на них и время терять бы не стоило. Пускай поскорее перережут друг друга – туда им всем и дорога. А мы с ними носимся как с писаной торбой... В старое время турнули бы всю эту братию за сто первый километр – и баста!

Гуров внимательно посмотрел на парочку, которая скромно стояла в сторонке и о чем-то вполголоса переговаривалась. Мужчина Гурову и в самом деле не понравился – ему было явно далеко за тридцать, но одет он был с каким-то развязным пляжным шиком, который больше подошел бы подростку: осветленные волосы были взбиты в немыслимый ежик, за ворот пестрой рубахи была воткнута дужка солнцезащитных очков с узкими стеклами. И выражение лица у этого молодящегося дяди было не слишком приятным – эдакая смесь пресыщенности и деловой бесцеремонности. Гуров подумал, что этот человек больше всего похож на сутенера.

Девушка, которая пришла вместе с ним, была миниатюрной аппетитной брюнеткой в короткой юбочке и белой обтягивающей майке, под которой ничего больше не имелось, отчего ее маленькая, но крепкая грудь отлично просматривалась сквозь неплотную ткань. Относительно профессии этой девушки у Гурова тоже возникли сомнения – он как-то не мог представить ее ни в роли учительницы, ни в роли водителя трамвая, например, но, в отличие от ее спутника, в ней еще сохранились свежесть и непосредственность молодости, и это вызывало к ней симпатию.

– Вы, конечно, уточнили, кто они такие, майор? – спросил он у Чепасова.

– Я зафиксировал их паспортные данные, – с отвращением сказал майор. – Туликов Валерий Сергеевич, шестьдесят девятого года рождения, назвался частным предпринимателем, и

Вострякова Татьяна Алексеевна, восемьдесят четвертого года рождения, временно безработная... Одним словом, оба тунеядцы. Прежде бы их...

– Да, это мы уже знаем, – подал голос полковник Крячко. – За сто первый километр. – И добавил, обращаясь к Гурову: – Майор, видимо, так и представляет себе золотой век. Все, что тебя раздражает, отправляешь за сто первый километр и наслаждаешься тишиной и порядком. Только ведь и за тем злосчастным километром тоже люди живут. Им-то за что такая напасть?

– У каждого своя мечта, Стас, – ответил Гуров. – Тут мы майору ничего указывать не станем. И вообще, нас в данную минуту интересует реальность. Конкретные факты. Эти люди опознали убитого?

– Они утверждают, что знают этого человека, – кисло сказал Чепасов, заглядывая в какую-то бумажку. – Ложкин Дмитрий Владимирович, примерно семидесятого года рождения, проживает по Волгоградскому проспекту, но точный адрес они не помнят. Вообще, изворачиваются, по-моему. Считаю, что нужно их задержать, товарищ полковник.

– Полагаете, они могут иметь причастность к убийству? – скептически произнес Гуров. – Не думаю. Вряд ли бы они тогда заявили к вам сами. Хотя, конечно, всякое в жизни бывает... Впрочем, мне хотелось бы побеседовать с ними лично.

Чепасов тут же махнул рукой и резко выкрикнул в сторону парочки:

– Туликов! Подойдите сюда! И побыстрее поворачивайтесь, вы тут не на тусовке!

На потрепанном лице беловолосого отразилась некоторая досада, но он не стал прекословить и без слов подошел к оперативникам, позволив себе лишь сделать это неторопливо, вразвалочку, точно действительно прогуливался по пляжу, а не по коридору морга, где лежал его мертвый приятель. Девчонка с настороженным видом последовала за ним.

– Здравствуйте, молодые люди! – сказал Гуров. – Разрешите представиться: мы с товарищем оперуполномоченные по особо важным делам – полковник Гуров и полковник Крячко. У нас к вам очень серьезный разговор. Он касается вашего знакомого, которого, как доложил нам майор, вы опознали, не так ли?

– Точно, – сумрачно сказал блондин. – Я его еще по ящику когда увидел, узнал. Димка Ложкин это. Жалко мужика, толковый был.

– В каком смысле толковый? – спросил Гуров.

– Ну, вообще, – уклончиво сказал Туликов и неопределенно очертил в воздухе круг рукой. – Башка у него на плечах имела. И руки золотые. Он, вообще-то, фотограф был. Ну и оператор. С камерой работал как бог.

– Вот, значит, как? – насторожился Гуров. – С камерой, значит? И где же он с камерой работал, позвольте узнать?

– Ну, по-разному, – пожал плечами Туликов. – Было дело, в журнале работал – «Художественное фото», что ли... Для женских журналов снимки делал. Свадьбы снимал. Ну, не все подряд, а только крутые – выгодное дело, между прочим. А в последнее время вообще на вольные хлеба ушел. По заказу работал. У него ставка высокая была и репутация отличная. Он не бедствовал, и уважали его. Не пойму, кто мог его завалить. Кого-нибудь другого – сколько угодно могу представить, а Димка Ложкин кому дорогу перешел – ума не приложу.

Туликов был искренне расстроен, и Гурову показалось, что в этом не было абсолютно никакой игры и натяжки.

– А вы что же, тоже фотограф? – спросил он.

Туликов метнул в его сторону короткий встревоженный взгляд и поспешно сказал:

– Нет-нет, я по жизни – коммерсант. У меня торговое агентство. Небольшое, но на хлеб с маслом хватает.

– Чем торгуете? – спросил Крячко.

– Чем придется, – с деланным равнодушием ответил Туликов. – В основном – одеждой. Договариваемся с фирмами – покупаем со скидкой, продаем с накруткой. На то и существуем.

– Будьте добры, оставьте нам координаты своего агентства, – попросил Гуров. – На всякий случай. Возможно, придется еще раз встретиться. А пока скажите, что вы знаете о погибшем. Когда вы его в последний раз видели, был ли он чем-то озабочен, имелись ли у него в последнее время проблемы...

– Сейчас скажу точно, – ответил Туликов, обрадовавшийся, что щекотливый вопрос насчет агентства отошел на задний план. – Третьего числа! Третьего числа завалились мы к нему с девочками в студию...

При этих словах Туликов вдруг осекся, но тут же заговорил дальше с преувеличенным энтузиазмом:

– Ну, короче, расслабились... Не все же пахать, правильно? Надо и оттягиваться иногда, кайф ловить. Это и врачи советуют. И даже ваше ведомство вроде бы не осуждает, разве нет? Сериалы вон показывают – опера, короче, тоже люди, и ничто человеческое, как говорится...

– Ты оперов-то не приплетай, коммерсант! – мрачно заметил Чепасов. – Ты много оперов под кайфом видел? А вашего брата трезвым увидеть – большая удача. Так что не равняй, понял?

– Мы сейчас не в вытрезвителе и не на лекции о вреде пьянства, – вмешался Гуров. – Дискуссию о спиртных напитках разворачивать не будем. Давайте по делу. Вы, Валерий Сергеевич, упомянули, что третьего числа пришли к Ложкину в студию. Что это за студия и где она находится?

– На Суцевском Валу, – неохотно сказал Туликов, и Гуров понял, что по каким-то причинам тема студии является для коммерсанта очень неприятной.

Поняв это, Гуров вынужден был мысленно согласиться с Чепасовым – отпустить Туликова и его подругу ни в коем случае было нельзя. Он вел себя достаточно свободно, охотно отвечал на вопросы, но что-то важное явно намеревался утаить, и допустить этого Гуров не мог. Задав еще несколько не очень существенных вопросов, Гуров вежливо, но настойчиво предложил Туликову и Востряковой проехать с ними в главк для составления протокола. На самом деле он рассчитывал задержать их до того момента, как получит санкцию на обыск в таинственной студии. Судя по реакции Туликова, с этой самой студией было что-то нечисто. Поскольку речь шла об убийстве, Гуров был уверен, что проблем с прокуратурой не будет, тем более что он рассчитывал на активную помощь Орлова.

Для Туликова такое предложение стало неприятным сюрпризом – это было ясно по выражению его лица, но он опять не стал перечить. Девчонка же вообще молчала и только хлопала глазами.

В главке, пока Гуров вместе с Орловым решал вопрос относительно санкции на обыск в студии Ложкина, беседу со свидетелями вел полковник Крячко. При необходимости ему ничего не стоило разыграть из себя рубаху-парня, что он с блеском проделал и на этот раз, вовремя почувствовав, что свидетели чего-то побаиваются и замыкаются в себе. Правда, Туликова ему разговорить не очень удалось, но зато девчонка, оставшись с ним с глазу на глаз, вскоре совершенно освоилась и неожиданно выдала признание, которое вполне можно было поименовать сенсационным. Крячко сообщил о нем Гурову, когда они ближе к вечеру направлялись с ним в район Суцевского Вала на досмотр студии.

– Понимаешь, Лева, этот Туликов, как ты мог заметить, довольно скользкий тип, и полной правды от него ожидать трудно. Однако про Ложкина он убежденно говорит, что врагов у того не было, убивать его было некому, и даже на кладбище ему абсолютно нечего было делать – мол, Ложкин вообще был скорее домоседом, а уж чтобы потащиться ночью в глухое местечко... Я готов ему поверить, но только при том условии, что он расскажет правду о своих отношениях с Ложкиным. А эта тема почему-то его напрягает. Говорит, что просто друзья.

– А это не так?

– Они партнеры, Лева! – торжествующе заявил Крячко. – Представляешь, партнеры! Это девчонка мне глаза открыла. То есть ничего определенного она не сказала, но я без труда дорисовал картину на основе тех штрихов, которые она простодушно наметила. Самое интересное, что третьего июля она видела Ложкина впервые в жизни! Но тем не менее собиралась остаться у него ночевать. Он ей, в принципе, понравился, как она выразилась. Они выпили, а потом все ушли, в смысле, Туликов и остальные девушки – всего их в тот вечер там было трое, а Вострякова осталась. Они совсем уже было собирались предаться любви, как вдруг Ложкину позвонили.

– Кто?

– Неизвестно. Но после этого звонка он заметно расстроился, девчонку без разговоров выставил, и что было дальше, она не знает.

– Из тебя вышел бы неплохой художник, – заметил Гуров. – А вот у меня пока цельной картины из твоего винегрета не получается, хотя сам факт насчет звонка интересный. Но с чего ты взял, что Ложкин и Туликов партнеры?

– Девочка проболталась, что изначально они пришли к Ложкину сниматься, – с довольным видом сообщил Крячко. – Именно с этой целью и привел их туда Туликов, которого, кстати, в определенных кругах знают под кличкой Блонди. И в этих кругах совсем не одеждой интересуются. Скорее наоборот – отсутствием оной. Вспомни, как заюлил Туликов, когда речь зашла о студии Ложкина!

Гуров посмотрел на Крячко с интересом и помотал головой.

– Мир действительно тесен, – с некоторым удивлением сказал он. – Когда я услышал, что Ложкин занимался фото– и киносъемкой, я еще сомневался. Но раз он снимал девочек, это меняет дело... Такое совпадение вряд ли можно назвать случайностью.

– Да, похоже, мы попали в яблочко с первого выстрела! – заключил Крячко.

– Не горячись, – предупредил Гуров. – Никуда мы еще не попали. Возможно, мы и до мишени-то еще не дошли. Просто совпадение этих двух фактов – насильственная смерть у кладбища и занятие порнографией – дает нам реальную надежду.

– Одно только у меня в голове не укладывается, – с сожалением сказал Крячко. – Зачем ему понадобилось заниматься таким неблагодарным делом, как шантаж? А тем более – тащиться ночью на кладбище. Как хочешь, а с виду этот парень совсем не похож на крутого...

– Мертвые похожи только на мертвых, – возразил Гуров. – Как мы теперь можем о чем-то судить?

– Не говори, – упрямо покачал головой Крячко. – Мертвый ли, живой, а этот парень никак не похож на шантажиста. По-моему, он был существом тепличным и избалованным. Такой вряд ли бы смог взять кого-то за глотку.

– Однако же его застрелили, – напомнил Гуров. – И вообще, давай не будем гадать, а подождем, что покажет обыск.

Ждать пришлось совсем недолго, потому что, едва совместно со следователем, экспертами и понятыми они вошли в студию покойного Ложкина, как в первом же шкафу в большом надорванном пакете обнаружилась целая россыпь откровенных снимков, и в этой коллекции была фотография, уже знакомая Гурову, – точно такая же, как та, что передал им антиквар Шестопалов.

## Глава 5

Чеков остановил машину в чужом дворе, расположенном в каких-то двухстах метрах от Кольцевой дороги. Здесь было тихо и почти безопасно. Слева от него находился продовольственный магазин, справа – магазин обуви. Большинство окон в жилых домах уже погасли. Знакомых у Чекова в этом районе не было. Он собирался переночевать в машине.

Чеков уже мог вполне связно рассуждать, но чувства его по-прежнему были в полном смятении. Он был напуган, как никогда в жизни. Только поэтому он даже не помышлял о том, чтобы вернуться к себе домой. Сначала нужно было все хорошенько обдумать и разузнать. Хватит полагаться на удачу – она окончательно от него отвернулась.

Для того чтобы успокоить нервы, Чеков купил по пути в ночном магазинчике бутылку коньяка. Теперь, расположившись на заднем сиденье чужой «девятки», он смотрел на спящий незнакомый квартал, отпивал понемногу из бутылки и размышлял над тем, что с ним сегодня случилось.

Трудно было в этом себе признаться, но где-то Чеков прокололся. Не подготовился как следует, уверовал в собственную мудрость и вот поплатился. Единственное, что он сделал более-менее разумно, – это взял с собой Ложкина. Правда, Ложкин не справился с задачей, но если бы не он, то, возможно, руки сейчас ломали бы самому Чекову. Жуткое дело, когда тебе в трезвом уме и ясной памяти ломают руки. Чекову приходилось видеть нечто подобное. Так что угрызения совести и сожаления о роковом выстреле он решил перенести на более спокойное время. Сейчас полагалось только радоваться. Он заплатил дорогую цену за то, чтобы избежать кошмара, но оно того стоило.

Но кто сумел их с Ложкиным выследить? Эту задачу следовало решить в первую очередь. Милицию Чеков отмел с самого начала. Милиция может навешать любому так, что мало не покажется. И руки-ноги может переломать без проблем, но милиция действует спокойнее, без оглядки, мало заботясь о маскировке. Люди у кладбища явно не желали афишировать свое присутствие. Да и настоящей погони за Чековым, с сиренами, с перехватом, не было. Значит, милиция отпадает.

Если же это за ним по пятам идут «гориллы» Костюкова, тогда дело его совсем гнилое. В этом случае с ним церемониться не будут. Могут даже и о деньгах уже не спрашивать – просто выпустят кишки, разложат по асфальту вместо наглядной агитации... Костюков любит воспитывать на убедительных примерах.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.